

63.3 (2Р36-4КУР)

п 55

100000

марафонский поэтический  
конкурс «Большой Фонд»

от составителей

# ПОМНИ ВОЙНУ

Том IV

## ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Курганская областная библиотека им.  
А. К. Юргола 2004

Книгохранилище

002К

К03(07)

Посвящается 60-летию Победы  
в Великой Отечественной войне

**ПОМНИ ВОЙНУ**  
**Том IV**  
**Детство, опаленное войной**

Книга издана по инициативе Губернатора  
Курганской области О.А.Богомолова

**Составители: А.И.Букреев, В.А.Есетов**

Администрация Курганской области, составители выражают искреннюю признательность воспитанникам и воспитателям детских домов, журналистам, краеведам, работникам архивов – всем, кто проявил заинтересованное участие в подготовке к изданию этой книги.

Сборник отражает героические и трагические страницы истории области, показывает лучшие качества Зауральцев: мужество, трудолюбие, милосердие, сострадание, готовность прийти на помощь в трудную минуту. Книга рассчитана на все категории читателей и может быть использована при изучении истории родного края в учебных заведениях области.

ISBN 5-86047-181-5





Мария Фролова  
(Блинова)

## ДОМ, ГДЕ СОГРЕВАЮТСЯ СЕРДЦА

Мария Владимировна Фролова-Блинова родилась в деревне Гренадеры Петуховского района. Ей было три года, когда их с братом Леней после призыва отца в действующую армию сдали в Шадринский детприемник. За пятнадцать лет сменила 8 детских домов. Все пришлось испытать: и голод, и обиды, и поддержку друзей, и ласку добрых людей.

После окончания Катайского педучилища работала учителем в школе, воспитателем в детском саду.

Мария Владимировна написала историю своего нелегкого детства. Это уникальный документ, основанный на воспоминаниях, документах, свидетельствах очевидцев, реальная картина жизни детских домов Курганской области.

Представляем читателю отрывки из исповеди Марии Владимировны.

### Почему нас разлучили?

Из Шадринского детприемника нас с Леней отправили в Песчано-Колединский детский дом Уксянского района.

Смутно помню, как нас мыли в бане. Взрослые раздевались по очереди и мыли нас группками.

Помню, как летом в сончас мы спали в саду. Сад был большой. Между деревьями были натянуты веревки, на них сушились белые простыни.

Из Песчано-Коледино меня перевели в Широковский дошкольный детский дом Далматовского района. А брата оставили. До сих пор не понимаю: почему нас разлучили? Кто так беспощадно распорядился нашей судьбой? Мы чуть не потеряли друг друга навсегда. И я насчиталась по детским домам, и у брата жизнь не сложилась. Я очень страдала от частых переездов, тосковала по Лене.

В Широково я пробыла год, а потом меня перевели в Белоярский детдом Шадринского района.

Об этих детских домах у меня смутные, отрывочные воспоминания. Знаю, что там нам жилось хорошо. О нас заботились, хорошо кормили, одевали, занимались с нами. Было весело.

В Широково жили в двухэтажном доме. Вверху жили мы, а внизу были кухня и хозяйственные помещения. Вечерами у нас зажигали керосиновую лампу, ставили ее на полочку, чтобы дети не достали. Воспитатели иногда уходили вниз, на кухню. Внизу, на лестнице, света не было.

Дети постарше в отсутствие взрослых упражнялись в храбости. Взявшись за перила, они переходили по узкой полосе над лестницей, а остальные, затаив дыхание, следили за ними.

Однажды и я, малышка, рискнула проделать этот же трюк. Я благополучно прошла больше половины. И вдруг кто-то крикнул:

- Воспитательница идет!

У меня от страха разжались руки, и я полетела вниз. Воспитательница очень перепугалась, подняла меня, принесла в группу, долго осматривала, успокаивала, обнимала, поглаживала меня. Так закончился мой перв-

вый «подвиг». Конечно, с детьми строго побеседовали и больше не оставляли без присмотра.

### Удошка любви

Мрачные воспоминания остались от Тюриковского детского дома Шадринского района.

Была осень. Нас привезли на телеге из Белоярского детского дома.

- Новеньких привезли, - группа оборванных пацанов метнулась к телеге.

Заметив у кого-то из наших хлеб, один предложил:

- Давай поменяемся: ты мне хлеб, а я тебе – печенку!

Такой размен произошел на ходу: телега катилась, а мы менялись.

Я была поражена, напугана неожиданной встречей: эти голодные глаза, руки, готовые вырвать хлеб, наглость пацанов и бедная, рваная одежда на них. В Белоярском детдоме такого не было.

Вскоре и мы превратились в таких же голодранцев – заморышей.

Я была самая младшая, слабая, худая. Мне было шесть лет. Не знаю, почему меня направили в школьный детдом. Вероятно, при переездах потеряли мое свидетельство о рождении. Меня определили в первый класс.

Школа была далеко. Мы бегали до школы в рваных чунях, драных ботинках или калошах. Печи топили сырьими дровами. Выдохнешь – пар изо рта.

Мы страдали в Тюриково от голода и холода.

Меня, самую маленькую, взяли к себе в комнату девочки – семиклассницы. Они стали моими ангелами-хранителями, опекали меня, заботились, помогали выполнять домашние задания.

Однажды девочки пошли к соседке за ведром и взяли меня с собой. Во время войны было много сердо-

больных женщин. Они жалели детдомовцев, давали пищу, иногда усыновляли, удочеряли детей.

Эта женщина была добрая, ласковая. Стала расспрашивать меня: как зовут, где родители. А потом спросила:

- Пойдешь ко мне жить?

- Пойду, - ответила я.

Девочки ушли, а я осталась. Хозяйка угостила меня помидоркой. Я мигом ее съела, глаза мои просили еще. Она дала еще, а я была ненасытна. Наверное, ее испугала моя жадность, она одумалась. Вечером сказала мне:

- Манечка, тебя, наверно, потеряли в детдоме. Иди, а то там беспокоятся.

Я пришла в свою обитель. Девочки мне категорически заявили:

- Уходи от нас, предательница!

Мне было очень стыдно за свой поступок. Ведь я всерьез приняла предложение этой женщины. Как легко было поймать меня на удочку любви.

### Из «када» - в «рай»

Кто-то написал жалобу в обпоно. Приехала комиссия. Беседовали с сотрудниками, детьми, выясняли, как к нам относятся, как кормят, одевают.

Меня, проверяя, спросили:

- Как фамилия?

- Блинова.

- Такая вкусная фамилия, а сама-то постная.

Я поняла, что «постная», значит, худая.

В детском доме сменили директора, и жизнь стала налаживаться. А меня и еще несколько истощенных, ослабленных детей направили в Кипельский санаторий детский дом Юргамышского района.

В Кипели было два детских дома – дошкольный и школьный. Сначала меня определили в дошкольный, а через полгода перевели в школьный. В сентябре 1946 года я пошла в первый класс.

В санаторном детдоме было много слабых и больных детей. Я была на усиленном питании. Всех кормили четыре раза, а слабых – пять. Кормили отлично. Поварихой была тетя Маня, молодая, добрая, симпатичная. Перед обедом приходила медсестра с бутылкой рыбьего жира. Каждому ребенку наливали в ложку рыбий жир, а мы должны были проглотить его. Но мы не любили жир, так противно было его пить. Только медсестра отойдет от стола, мы бежим к фикусу, который рос в кадочке в столовой, выплюнем – и на место. Фикус рос отлично. Потом нам стали влиять рыбий жир в кашу. Так старались оздоровить нас.

О Кипельском детском доме у меня остались светлые, теплые воспоминания. Мы много гуляли в саду, на свежем воздухе, разучивали песни, игры, помогали сотрудникам: мыли посуду, собирали ягоды.

Помню, как встречали Новый 1947 год. В рабочей комнате – нарядная елка. На празднике мы показывали сказку «Мороз, Солнце и Ветер». Я была Солнышком. Наверно, выбрали за улыбчивость. На меня надели вырезанную из блестящей фольги корону. Сказка всем понравилась.

А на зимних каникулах меня перевели в Корюковский детский дом Катайского района.

### Трудные годы память хранит

Корюковский детский дом был небольшой, человек на семьдесят. Мы жили в одном корпусе, бывшем посовском доме, где было три спальни (в двух спали девочки, в одной – мальчики). В другом длинном здании, похожем на барак, располагались рабочая комната, кух-

ня, столовая. Рядом были прачечная, баня, изолятор. Уроки готовили в рабочей комнате, за длинным самодельным дощатым столом.

Мы постоянно испытывали чувство голода. Бывало, идем строем по селу, горланим песни, а сами смотрим под ноги. Попадет пустая шляпка от подсолнуха, огрызок от морковки или огурца, хватали и - в рот. Такие были голодные в сороковые годы – все готовы были съесть.

Детдомовцы часто лазили по огородам к сельчанам, где-то добывали жмых, вкусную берестянную жвачку, жевали ее и вроде бы утоляли голод.

Невозможно забыть, как мы по заданию воспитателей голыми руками собирали крапиву, а из нее нам на кухне готовили щи и котлеты. О, какой вкусной казалась эта еда!

Утром и вечером выдавали пайки хлеба по 100 граммов, а в обед – 150 граммов. По команде садились за длинный дощатый стол на свои места и норовили схватить горбушку или кусок потолще. Я до сих пор обожаю горбушки. Благо, в семье их никто не ест. Все мне достаются. Позднее утром и вечером пайки стали по 150 граммов, а в обед – 200 граммов. А с 1950 года паек не стало: ешь, сколько хочешь. Думали, не наедимся.

Матрацы и подушки были набиты соломой, потом появились ватные матрацы и подушки. Конечно, мы рады были этим переменам.

### Обида

Вшей в то время было везде в изобилии: и в голове, и в одежде, и в постели. Из Катайска приезжала специальная машина. Подвергали все постели термической обработке, а головы мыли с вонючим мылом, пересыпали дустом. Стригли «под нулевку» всех до 4 класса. Откуда только брались эти паразиты?

Миссию по стрижке детей выполнял Захаров Григорий Ефимович. Он знал, когда надо нас ловить: поднимал утром прямо с постели и стриг наголо.

Однажды Григорий Ефимович с машинкой явился к нам в спальню перед подъемом. Кого-то поднял и начал стричь. Моя кровать стояла у круглой печки и у стены, так что у спинки за печкой была пустота. Пока он стоял спиной ко мне, я пролезла туда, уместилась на перекладине у стенки, а сверху перекинула простыню, которая служила нам покрывалом при заправке, как будто шапку-невидимку надела. Долго пришлось мне висеть, ноги резало, но терпела. И вот он хватился, стал меня искать.

- Где Блинова?

Заглянул под кровать – нет, под другую – нет. Все же догадался, выволок меня. А я плачу, закрыла челку руками:

- Оставьте мне хоть челку!

Он убрал мои руки, провел машинкой дорожку посередине:

- А теперь иди.

Я от обиды выскочила босиком, в одной сорочке в сени. А была зима. Стою, дрожу, плачу, а ему хоть бы что, даже не вышел.

Пока волосы не подросли, платок не снимала.

Как мы завидовали сельским девчонкам с длинными волосами! Как обидно было сносить насмешки над нами, детдомовскими, «лысыми» девчонками. Это угнетало наше человеческое достоинство.

В детском доме работала нянечкой тетя Лиза. Жила она с родителями рядом с детдомом.

У тети Лизы был грудной ребенок. Меня часто звали водиться с малышом, я качала колыбель. А у них на квартире жила моя любимая воспитательница. И вот однажды она потеряла 50 рублей. Сама положила под треугольную столешницу в угол, да, видать, забыла,

сунула далеко. Хотела отдать хозяевам за квартиру, но не может найти.

Подозрение пало на меня. Позвали меня, давай разбираться: брала ли я. Я отказывалась, что не брала, а саму обида душила: моя любовь да на меня грешит незаслуженно. (Я ведь чужое сроду не брала). Да и хозяева на меня думают. Я еле слезы сдерживаю. А она поднимает столешницу и говорит:

- Вот тут они лежали.

А они там и лежат.

Я разрыдалась, убежала в наш детдомовский сад. Забилась в сирень и дала волю слезам. Навек запомнила я эту обиду.

Больше я к ним не ходила.

### Встреча

В 1949 году в детском доме ввели традицию: отмечать дни рождения воспитанников по месяцам. Именникам вручали гостинцы, поздравляли.

Год заканчивался, у всех были именины, а у меня все нет и нет дня рождения. Я спросила воспитателя о дате рождения. И тут выяснилось, что в моем личном деле нет свидетельства о рождении. При частой смене детских домов его потеряли.

Ближайший праздник был 5 декабря – День Стalinской Конституции. Я и попросила записать ее как день моего рождения. А на самом деле я родилась 15 августа. Вот так легко в детских домах присваивали детям имена, фамилии, отчества, даты рождения.

Шел десятый год моей детдомовской жизни – 1951 год. Значит, дату рождения мы придумали. А отчество придумали еще раньше. Со второго по пятый класс я была Андреевна - мне это отчество нравилось.



Сотрудники Корюковского детского дома. 1951 год.

И вдруг я неожиданно нашла брата, разбогатела родней и возвратила свое отчество – Владимировна.

К нам в детский дом привезли кудрявую девочку Маню Мартынову. Она рассказала, что их Белоярский детский дом расформировали.

Я обрадовалась:

- Так я тоже там была.

Новенькая рассказала, что она еще была в Широковском и Песчано-Колединском детских домах. Тут я вовсе обрадовалась.

Маня спросила, есть ли у меня брат. Я рассказала, что помнила.

Еще Маня сообщила, что в Песчано - Колединском детском доме с 1941 года работает Волкова Екатерина Николаевна, сначала воспитателем, а сейчас директором.

Я вычислила, что она должна меня знать, и предложила поздравить ее с днем 8 Марта. Как будто кто-то свыше способствовал нашей встрече.

Мы нашли на улице красивую открытку (она была кому-то адресована), заклеили написанное картошкой, написали свой текст и в конверте отправили поздравление в Песчано-Коледино.

Вскоре в наш детдом пришло письмо-треугольник адресату Блиновой Марии Владимировне от Блниова Л.В. Воспитатели удивились: ведь у меня как бы не было родни, и я же была Андреевна. Они прочли письмо, нашли меня, вручили, сказав, что у меня нашелся брат.

Я так обрадовалась, что от первого чтения у меня в голове ничего не осталось – только радость, что у меня нашелся брат Ленька, что это реальность, а не выдумка. Лишь прочитав вторично, я уяснила, что у меня есть еще два брата, две тети, шесть двоюродных сестер. В один момент все изменилось.

Я написала в облоно, попросилась к брату в Песчано-Колединский детский дом. Нина Михайловна Кокорина ответила, что меня переведут к брату после окончания учебного года.

В конце августа моя мечта сбылась: наконец-то я снова в Песчано-Коледино и мы встретимся с Леней.

Директор детдома Екатерина Николаевна Волкова встретила меня, как старую знакомую, дружелюбно. Определила в группу воспитательницы Валентины Акимовны.

Мы пошли в корпус к мальчикам. На наш вопрос «А где Ленька?» мальчишки ответили:

- Сейчас только на крыше коноплю и семечки сушил.

Кто-то уже сообщил ему о моем приезде, и его от волнения, как ветром, с крыши сдунуло. Он стеснялся встречи со мной на людях.

Мы нашли его в избе у завхоза Вари. В сенях с глиняным полом стояла кровать. На ней лежал муж Вари Василий, а на краешке сидел парнишка, симпатичный, такой родной, смущенный.

- Здравствуйте, - сказала я и остановилась у дверей, как вкопанная.

Меня остановил его взгляд. Он выражал радость, и смущение, и робость. Ни он, ни я не могли выразить свои родственные чувства. Мы отвыкли от их проявления, ведь этому не учили в детском доме. Все доброе, приятное делалось тихо, не на показ.

Василий подтолкнул Леньку:

- Ну, что вы? Зайдите в избу, поговорите.

Мы зашли. Смущение, застенчивость не покидали нас. Мы не знали, как себя вести, как общаться: ни объятий, ни поцелуев. Я нарушила тягостную тишину:

- Почему ты не писал?

Поговорили немного и пошли на улицу. Мы шли рядом, с улыбкой поглядывая друг на друга. Мы были на седьмом небе от счастья, хотя об этом не было сказано ни слова.

Утром я просыпалась с чувством радости, как будто я нашла что-то драгоценное. Мне хотелось скорее увидеть брата.

Но счастье длилось недолго. Через месяц Леню отправили в Шадринск, в ремесленное училище №3, где он учился на слесаря по ремонту сельскохозяйственных машин.

Мальчишки в детдоме не обижали меня, признавали, что я – Ленькина сестра, а я пользовалась этим.

Через год Песчано – Колединский детский дом расформировали. Одних отправили в РУ, других – в ФЗУ, а нас, 14 детей, отправили в Шатровский детский дом.

### Родная семья

Мы с Ленькой никому не были нужны, никто из родных нас не растил и по-настоящему не жалел. У Леньки жизнь не сложилась. Он встал на скользкий путь, пил с друзьями, хулиганил, наращивая тюремный срок. А мне родной семьей стал Шатровский детский дом.



Родной Шатровский детский дом

Мы приехали в Шатрово в кузове машины.

- Новеньких привезли, - разнесся по дому клич, и вокруг нас мигом образовалось кольцо из ребят, с любопытством разглядывающих нас. Подошла женщина с добрым приятным лицом, а вместе с ней воспитанники постарше нас. Мария Дмитриевна, наша будущая воспитательница, провела нас в клуб, а ребята принесли матрацы, подушки, одеяла. Промокшие, прогретые, мы быстро согрелись. Тепло и радушие, проявленные при первой встрече, были добрым знаком. Мария Дмитриевна стала мне идеалом, дорогим на всю жизнь человеком, а девочки, принесшие постель, - Нина Суханова, Гая Вахрушева, Бина Чемякина, Нина Мажуть – задушевными подругами.

Мария Дмитриевна учила нас вышивать. Помню, дали нам новые простыни, и мы вышивали на них сложный ажурный рисунок – ришелье. Закончили работу и застелили кровати новыми покрывалами, вышитыми своими

руками. Мальчики лобзиками выпиливали узоры из фанеры для полочек, рамочек, украшали их соломкой. Получались прекрасные сувениры, которые представляли на выставках, дарили близким людям. Спустя 25 лет я увидела у Марии Дмитриевны свой подарок – вышитые салфетки, которые использовались в обиходе и напоминали обо мне.

В Шатровском детском доме вражды между мальчиками и девочками не было. Мы вместе с мальчиками упражнялись в рисовании, в праздники украшали стены зала красочными рисунками.

Весной, летом и осенью работали на огороде: высаживали овощную рассаду, поливали, пололи, прореживали, убирали. Обеспечивали себя на зиму овощами.

Выезжали в делянку. Сотрудники и взрослые мальчики валили лес с корня, распиливали на поленья. Мальчики обрубали сучья. Девочки складывали сучья в кучи, которые позднее сжигали. Потом на машинах вывозили дрова во двор детского дома. Мальчики кололи дрова, а мы складывали их в поленницы.

Осенью старшие классы по очереди ходили на зерносклад в Шатрово, работали в ночную смену – сортировали зерно, а мы его подгребали.

Вечерами мы занимались акробатикой. Расстилали на пол одеяло, надевали сatinовые брючки – и начинали тренировки. Кто-то выполняет упражнения: «стойки», «мостики», «коробочки», «ласточки», «шпагаты», всевозможные кувырки, а кто-то страхует.

Я уважала, любила Нину Суханову, старалась во всем ей подражать. Она была всесторонне развитой девушкой. Очень начитанна, играла на гитаре, балалайке, пела хорошо, писала стихи, каталась на коньках. И во мне она буквально «раскапывала» таланты. Заметила мой первый успех, когда я удачно срисовала Ка-баниху из учебника. Обнаружила мою способность петь

вторым голосом, и у нас получился хороший дуэт. Совместные упражнения развивали музыкальный слух.



Акробатика – любимое занятие

А потом в детский дом приехала Зина Суханова, и у нас образовалось трио. С Зиной мы учились в одном классе и тоже подружились. Это была девочка спортивного склада. Со стройной фигуркой, милая, симпатичная. Этот тройной союз связал нас на всю жизнь. Хотя живем в разных краях, но связи не теряем, поддерживаем друг друга в тяжелых жизненных ситуациях.

В 1955 году директором детского дома назначили Марию Дмитриевну Репину, нашу любимую воспитательницу. Мария Дмитриевна к каждому ребенку находила подходящий ключик. Своей добротой, тактичностью она успокаивала огорченных, возмущенных ребят, гасила возникавшие ссоры, мирила «петушков».



Зина Суханова, Маша Блинова, Нина Суханова

Мария Дмитриевна частенько приглашала ребят к себе домой. А нам ведь так хотелось погостить у кого-нибудь вне детского дома, а тем более у любимой воспитательницы.

Жила она с матерью и отчимом, часто дома у них была тетя Надя, сестра Марии Дмитриевны. В домике у них было чисто, уютно, многие вещи были сделаны своими руками.

Отличительной чертой характера Марии Дмитриевны была душевная любовь к людям, а особенно к воспитанникам детского дома, лишенным самого необходимого – родительской ласки. Кипучая энергия и душевная щедрость гармонично соединились в этой скромной трудолюбивой женщине. Для каждого из воспитанников она была матерью, сестрой, подругой. Ведь детдомовцы никогда не забывают все то хорошее, что для них делалось.

Наступило время и мне определять свою судьбу. Сдала экзамены в Куртамышский сельхозтехникум. Мария Дмитриевна сказала мне:



Дружный десятый класс. 1956 год.

- Ну, Машенька, получай вещи, какие положено.

А я с волнением призналась ей, что не хочу быть агрономом, а хочу быть педагогом. Она сказала:

- Ну, смотри, Маша, неволить не буду, а то всю жизнь будешь на меня обижаться.

Отослала документы в Катайское педучилище. Сдала экзамены на отлично. Учиться на стипендию в 70 рублей было трудно. Работала в школе пионервожатой, помогала учительнице Марии Кузьминичне проверять тетради, разучивать песни, танцы с учениками. Мария Кузьминична пророчила мне:

- Из тебя, Маша, выйдет замечательный педагог.

Мне многие помогали. Подружки по вокалу привозили из дома продукты, кормили меня, когда я к ним приходила. Мария Дмитриевна из детдома написала: «Маша, вышли свое старенькое платье, мы его спишем и пришлем тебе новое шерстяное». В этом платье я начала работать. Мария Дмитриевна забыла об этом, а я помню всю жизнь.

с. Каширино Кетовского района